

Максимилиан Александрович Волошин

Барбэ д'Оревильи

Максимилиан Волошин

Барбэ д'Оревильи

«Public Domain»

1908

Волошин М. А.

Барбэ д'Ореви́льи / М. А. Волошин — «Public Domain»,
1908

«Жюль Амедей Барбэ д'Ореви́льи родился в маленьком нормандском городке Sauveur-le-Vicomte 2 ноября 1808 года, в День всех мертвых. «В этот мир я вошел в зимний, ледяной, сумрачный день, в день слез и вздыханий, день, который Мертвые, чье имя он носит, осеменили пророчественным прахом. Я всегда верил, что этот день должен был оказать темное влияние на мою жизнь и мою мысль», – говорил он про себя. Как о произведениях д'Ореви́льи нельзя судить, не касаясь его личности так нельзя говорить о нем самом, не вызывая теней его предков. Он хотел быть и был голосом своей земли и своих отцов...»

© Волошин М. А., 1908

© Public Domain, 1908

Содержание

I. Жизнь Жюля Барбэ д'Оревилы	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Максимилиан Волошин

Барбэ д'Оревилы

I. Жизнь Жюль Барбэ д'Оревилы

Жюль Амедей Барбэ д'Оревилы родился в маленьком нормандском городке Sauveur-le-Vicomte 2 ноября 1808 года, в День всех мертвых.

«В этот мир я вошел в зимний, ледяной, сумрачный день, в день слез и вздыханий, день, который Мертвые, чье имя он носит, осеменили пророчесственным прахом. Я всегда верил, что этот день должен был оказать темное влияние на мою жизнь и мою мысль», – говорил он про себя.

Как о произведениях д'Оревилы нельзя судить, не касаясь его личности так нельзя говорить о нем самом, не вызывая теней его предков. Он хотел быть и был голосом своей земли и своих отцов.

Род Барбэ – одна из старых крестьянских фамилии Нормандии, с полуострова Контантена, с берегов Ламанша, где раскинулись самые тучные, самые зеленые луга Франции.

Имя д'Оревилы не было дворянским титулом – так по именам своих поместий разлечались отдельные ветви рода. Лишь в 1765 году, перед революцией, дед поэта Феликс Барбэ купил себе дворянский титул. Теофиль, младший из сыновей его, глубочайшим несчастьем жизни которого было то, что, будучи ребенком, он не мог принять участие в героической борьбе шуанов, в которой участвовали его старшие братья, был отцом поэта. Осужденный на вынужденное бездействие, он оставался всю жизнь непримиримым монархистом и отказывался признавать законными владыками реставрированных Бурбонов, так как, даровав Хартию они как бы признали этим дело Революции. Не нашедшая себе выхода политическая страсть оледенила его волю и сделала из него самовластного и жесткого хозяина своей семьи.

«Вы провели свою благородную жизнь в уединении полном Достоинства, как древний *pater familias*, верный своим убеждениям, которые торжествовали, потому что война шуанов угасла в военном великолепии Империи и в наполеоновской славе. Мне же не была дана эта спокойная и мощная судьба. Вместо того чтобы, как вы, оставаться сильным и, как дуб, вросшим в родную землю, беспокойный духом, ушел я вдаль, безумно отдавшись тому ветру, о котором говорится в Писании и который увя! всюду вьется меж пальцев человека». В таких выражениях Жюль Барбэ д'Оревилы посвящал отцу свой лучший роман «*Le Chevalier des Touches*»¹ – трагический эпизод шуанского восстания.

Мать поэта была из старой нормандской аристократии из рода Анго, получившего свой герб при Франциске I. В числе ее предков был знаменитый корсар Анго, который самовольно правил берегами Атлантики, объявлял войну португальскому королю и заключал договоры с соседними державами. Дед же ее Луи Анго был незаконным сыном Людовика XV.

«Вот разнообразная генеалогия! – восклицает Реми де Гурмон, – Солидные нормандские мужики и контантенские аристократы, оружейники из Дьепа и Бурбоны. Неужели такая смесь была необходима, чтобы создать одного Барбэ д'Оревилы? Вероятно... Чистые расы дают плоды более цельные».

И в творчестве и в личности Барбэ д'Оревилы кипит вся эта смесь терпких токов старой французской крови. Он проходит через современную литературу, пьяный этим тройным хмелем – дерзостью корсаров, католицизмом шуанов и гордостью Бурбонов, справедливо заслужившим ему имена «Великого Коннетабля французской словесности», «Видама Фран-

¹ «Шевалье де Туш» (франц.).

ции», «Последнего шуана», «Герцога Гиза литературы», «Тамерлана пера», «Мушкатера», «Крестоносца», – имена, которыми он был увенчан как друзьями, так и врагами.

Раннее детство Барбэ д'Оревилли прошло под трубные звуки наполеоновских побед и под вечерние рассказы у камина про дерзкие предприятия шуанов, которые еще продолжали на Контантене безумную, героическую и напрасную борьбу против Империи.

Первые книги его были: Шатобриан, Вальтер Скотт, Байрон и Берне. Ребенком он мечтал о войне. Но вместе с Реставрацией над героической Францией легла великая тишина мещанства. Школьные годы он провел в суровом средневековом городе Valognes. Ему было 15 лет, когда при вести о греческом восстании он написал свое первое произведение: оду «Героям Фермопил», посвященную Казимиру Делавиню, который отнесся к ней одобрительно. В 1827 году его отправили в Париж в College Stanislas готовиться к бакалавреату. Там подружился он с Морисом Гереном, рано умершим талантливым поэтом, который был одним из двух людей, имевших для него наибольшее значение в первую половину жизни. Вторым был Требуьен, библиограф, ориенталист и библиотекарь в городе Саеп, куда после бакалавреата Барбэ д'Оревилли был направлен отцом для поступления на юридический факультет. В это время начинается распря между ним и отцом, который приказывает ему, как старшему сыну, согласно традициям рода, заниматься землей. Период революционных увлечений, совпавший с июльской революцией, совместное с Требуьеном издание «Revue de Saen», проповедь крайних республиканских идей привели к полному разрыву с отцом. Он оставляет на много лет Нормандию и уезжает в Париж, «эту приемную родину для всех, кто порвал связь с семьей и оставил родную землю». Лишь дружба Требуьена, который становится на всю жизнь его верным издателем, поддерживает в эту эпоху его связь с Нормандией. В Париже он отдается байроническому романтизму Ролла и Чаттертона. Он пишет свой первый роман «Ce qui ne meurt pas»² – роман, которому суждено было увидеть свет лишь в 1884 году, когда ему уже было семьдесят шесть лет. Точно так же и поэма в прозе «Amaidée»,³ написанная в ту же эпоху вдохновенных бесед с Гереном, появилась лишь в 1889 году, в год его смерти. Недаром на печати его стоял грустный и гордый девиз «Too late» – «Слишком поздно», в котором – тайная история его сердца. Главным документом, освещающим кризис его романтической разочарованности, является дневник его «Premier Mémorandum».⁴ Первые книги его, появившиеся в печати, были роман «L'Amour impossible»,⁵ и «Bague d'Hannibal»,⁶ которые он до этого тщетно старался поместить в «Revue des deux mondes». Эти книги не имеют успеха и отмечены лишь немногими уточненными ценителями. Зато в свете он одерживает победы. Это время его дендизма. Он красив, изыскан, блестящ, едок, изящно одет, производит неотразимое впечатление на женщин и скрывает боль души за маской надменности.

Недостаток материальных средств заставляет его взяться за журнализм. «Газеты мне отвратительны», – восклицает он. И несколько месяцев спустя: «Я проглотил свою жабу». Он пишет в «Nouvelliste», в «Le Globe», в «Le moniteur de la mode» и уже показывает в критике свои львиные когти, свою «furia francese».⁷ Он начинает свой большой роман «La vieille maîtresse»⁸ и заканчивает „Du dandisme et de G. Brummel“⁹ – блестящую, глубокую и парадок-

² «То, что не умирает» (франц.).

³ «Амедея» (франц.).

⁴ «Первая записная книжка» (франц.).

⁵ «Запретная любовь» (франц.).

⁶ «Перстень Ганнибала» (франц.).

⁷ французскую ярость (итал.).

⁸ „Старая любовница“ (франц.).

⁹ „О дендизме и Джордже Бреммеле“ (франц.).

сальную книгу, которая появляется в „Débats“. Но светская жизнь без цели, без веры и без идеалов становится невыносима его воинствующему и устремленному сердцу. В 1846 году он переживает глубокий духовный и религиозный переворот и возвращается к католицизму, к земле, к традициям рода.

На время он оставляет литературу. Он хочет практически работать в пользу церкви, и, романтик, он организует „Католическое общество“ по образцу бальзаковского „Общества тринадцати“. Это общество в его планах должно было создать во Франции нечто подобное движению в Англии, вызванному Рескином: символику средневековья поставить вновь на место мещанских стилей. Барбэ д'Оревилльи собирается конкурировать с магазинами церковной утвари квартала Святого Сульпиция. Обществ в кругу своих предприятий должно охватывать «бронзы, кованые железные украшения, церковные облачения, покровы для алтарей, вышивки, образа, гравюры, книги, церковные библиотеки, молитвенники, музыку, живопись и скульптуру, посвященные церковным целям, орнаменты, стекла, кафедры, алтари, исповедальни, ковры, стулья, решетки, органы и т. д. и т. д...».

Он путешествует по Франции, устраивая дела «Католического общества тринадцати пожирателей», и печатает в «Débats» после «Дендизма» статью об Иннокентии III. Джордж Брёммель и Иннокентий III, модные хроники и статьи по истории церкви – это было слишком трудно приемлемо для его современников. В «Revue du monde catholique», которую основывает в 1847 году Католическое общество, он печатает яростно патетические статьи в защиту церкви, статьи, дышащие пламенем инквизиционных костров и гремящие отлучениями, блестящие апологии иезуитского ордена и одновременно помещает сверкающие остроумием светские хроники под вызывающим женским псевдонимом Maximilienne de Syrene.

В 1848 году на несколько мгновений Барбэ д'Оревилльи присоединяется к революции как председатель клуба «Смоковниц св. Павла» в Сент-Антуанском предместье, клуба, состоявшего из двух тысяч рабочих католиков. На первое заседание его он явился в сопровождении двух ассистентов священников. Члены клуба встретили их восторженными криками «долой иезуитов». В первый вечер Барбэ был сдержан и терпелив. На второй тоже. На третий он не вынес и, войдя на трибуну, объявил:

«Господа! Я очень жалею, что у меня, как у Кромвеля, нет военной силы, чтобы заставить вас замолчать. Но я не хочу, чтобы болтовня и крики остались здесь победителями. Поэтому я объявляю клуб распущенным. Мы выйдем вместе. За помещение заплачено за триместр вперед. Ключ я прячу в свой карман для того, чтобы оно не служило отхожим местом для кабацких трибунов». «И, как испанский гранд в присутствии короля, президент клуба Смоковниц св. Павла, взяв свою широкополую шляпу, надел ее перед лицом народа. Ошеломленная толпа застыла на месте».

Когда во время наступившей реакции Католическое общество распалось и орган его был закрыт, Барбэ возвратился снова к работе над своим романом «Une vieille maîtresse». Именно в это время он возвращается мысленно к родине своей, Нормандии, и задумывает создание цикла нормандских романов, героическую эпопею своей земли во время революции. Первым опытом «нормандского романа» был рассказ «Le dessous des cartes d'une partie de whist»,¹⁰ который потом вошел в книгу «Les Diaboliques».¹¹

В 1849 году в «Opinion publique», органе роялистов и легитимистов, он печатает два серьезных и глубоких этюда о Жозефе де Местре и Бональде, проникнутых непримиримым католицизмом. Они легли в основу его книги «Les prophètes du passé».¹²

¹⁰ «Изнанка одной партии в вист» (франц.).

¹¹ «Дьявольские лики» (франц.).

¹² «Пророки былых времен» (франц.).

С 1850 года он пишет в журнале «La Mode», органе легитимистов, основанном его другом герцогом де Ровиго. В вечерней газете «Le Publie» он ведет политический фельетон и поддерживает Наполеона III. Благодаря этому он после переворота входит в редакцию правительственного органа «Le Pays».

В это время, в начале Империи, им написан роман «L'ensorcelée»¹³ и одна из лучших поэм его «La maîtresse rousse».¹⁴ Он издает «Reliquiae Eugénie Guérin»¹⁵ – дневники и записки сестры его друга Мориса Герена, мистическую и обаятельную книгу, которая возродилась в недавние дни.

В 1856 году он примиряется со своим отцом и после двадцати пяти лет отсутствия возвращается в Valogne. В 1860 году он замыслил объединить все свои критические статьи в одном громадном издании, «основать свой собственный дом», и начинает выпускать сериями «XIX siècle. Les œuvres et les hommes»¹⁶ – свой страшный и несправедливый суд над людьми и произведениями девятнадцатого века.

Его положение в правительственном органе «Le Pays» колеблется, и он находит себе почетное место и полную свободу в «Nain jaune», издаваемом Аврелианом Шоллем. Отсюда он подвергает жесточайшему обстрелу Французскую Академию. Его «Les quarante médaillons de l'Académie Française»¹⁷ – образцовый памфлет, шедевр гнева и злости. Лишь перед трупом в эти дни умершего Альфреда де Виньи он с глубоким почтением склоняет свое копье и относительно щадит Виктора Гюго, Ламартина и Сент-Бева. В 1863 году он ведет бешеную атаку против «La revue des deux mondes», и Бюлоз преследует его судом за диффамацию. Несмотря на то, что Барбэ д'Оревилльи защищает Гамбетта, суд тем не менее приговаривает его к штрафу в 2000 франков.

В 1864 и в 1865 годах он издает два лучших своих романа: «Le Chevalier des Touches» – героический эпизод шуанского мятежа, в котором он достигает полного мастерства разработки драматических положений, и «Un prêtre marié»¹⁸ – роман, изданный католическим издательством и вслед затем занесенный в Index и изъятый из продажи распоряжением Парижского архиепископа.

Он ведет, как всегда, несправедливые и великолепные кампании против парнасцев, хлещет Золя и Валлеса. В 1870 году, во время осады, он несет службу солдата. В 70-х и 80-х годах он пишет последовательно в «Figaro», в «Gaulois», в «Constitutionnel», в «Жиль Блазе», в «Трибуле».

В 1874 году появляются его «Diaboliques».

Из его последних книг надо отметить «Goethe et Diderot»¹⁹ (1880), «Une histoire sans nom»²⁰ (1882), «Les vieilles actrices. Le musée des antiques»²¹ (1884), «Une page d'histoire»²² (1886). Последней книгой, изданной им при жизни, была его юношеская поэма «Amaldée».

Это последнее тридцатилетие своей жизни он проводит в глубоком уединении в своей убогой квартире, состоявшей из одной комнаты, на улице Русселе. Он «знаменит и неизвестен». Оскорбления, наносимые критиком, мешают отдать справедливость поэту. Католики

¹³ «Околдованная» (франц.).

¹⁴ «Рыжая любовница» (франц.).

¹⁵ «Reliquiae Эжени Гереш» (франц.).

¹⁶ «XIX век. Произведения и люди» (франц.).

¹⁷ «Сорок медальонов Французской академии» (франц.).

¹⁸ «Женатый священник» (франц.).

¹⁹ «Гете и Дидро» (франц.).

²⁰ «Повесть без названия» (франц.).

²¹ «Старые актрисы. Музей древностей» (франц.).

²² «Страница истории» (франц.).

и легитимисты, за дело которых он борется, относятся к нему с еще большим опасением, чем его враги. Его зовут полушутя, полусерьезно *Barbemada de Torquevilly*.

Лишь небольшой круг избранных группируется около него в эти годы: Леон Блуа, Пеладан, Бурже, Октав Юзанн, Гюисманс, Конпэ, Рашильд.

Пеладан сохранил в нескольких строках его портрет в старости:

«Он жил на улице Русселе в доме для рабочих. Квартира состояла из одной комнаты, в ней он и умер. Считалось же, что он живет в *Valogne*, где он проводил пятнадцать дней в году. Дубовый аналой с его гербом был единственным украшением комнаты. Через окно были видны деревья монастыря *St. Jean de Dieu*. Ему прислуживала консьержа. Этот денди жил, как монах, проводя время в чтении и в размышлениях. Днем он казался стариком, но в сумерках совершалось превращение: старческое все сбегало с него, и час спустя в свете появлялся самый блестящий из кавалеров. В первые мгновения лета еще сказывались в известной оконечности; но как только разговор загорался, старый лев вновь обретал рыканья своего ума, которые никому не позволяли противостоять ему. Из года в год, каждый вечер боролся он против старости, как Геракл с Танатос, и каждый вечер вырывал у него собственную молодость — Альцесту».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.